

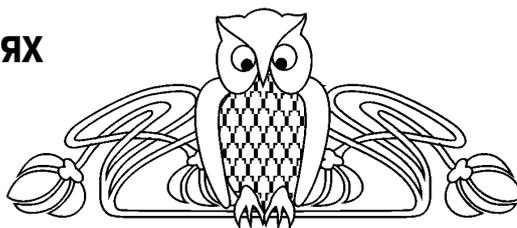

УДК 82.161-94|18|

«НЕВОЕННАЯ» ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ЗАПИСЯХ Е.В. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ (Т. ТОЛЫЧЕВОЙ)

Н.В. Острейковская

Тверской государственный университет,
кафедра истории русской литературы
E-mail: ngurieva@mail.ru

Статья посвящена анализу рассказов об Отечественной и Крымской войнах, собранных в середине XIX в. писательницей Е.В. Новосильцевой. Уникальность этих записей состоит в том, что информантами были выходцы из простонародной среды. В статье определяются особенности женского взгляда на историю: обращенность к частной жизни рядовых людей и внимание к эмоциональной стороне событий.

Ключевые слова: Отечественная война, Крымская война, очевидцы событий, частная жизнь, межличностные отношения.

«Unwar» History of the War Recorded by E.V. Novosiltseva
(T. Tolicheva)

N.V. Ostreykovskaya

The article analyses the oral stories about the Patriotic and Crimean wars, collected by E.V. Novosiltseva in the middle of the XIX century. Originality of these notes lies in the fact that the informants were commoners by birth. The article states the peculiarities of feminine view on history: concentration on the private life of common people and attention to the emotional side of the events.

Key words: Patriotic war, Crimean war, eye-witnesses of the events, private life, interpersonal relations.

Екатерина Владимировна Новосильцева (1820–1885), публиковавшаяся под псевдонимом *Т. Толычева* (также *Т. Толычова*, *Т.Н.*), была известна как прозаик, публицистка, литературный критик. Особенностью творчества писательницы следует признать ее обращение к разным вехам национальной истории: Отечественной войне 1812 г., Крымской войне, а также более отдаленным по времени событиям¹.

В XIX в. Толычева была первой писательницей, начавшей сбор устных воспоминаний о недавних войнах. Ее активная собирательская деятельность объясняется веянием времени: поражение России в Крымской войне обострило интерес к событиям прошлого, в частности к эпохе 1812 года. Главным образом это было связано с осмыслением того, что из жизни уходят участники и очевидцы наполеоновских войн. Поиск и спасение затерянных мемуаров о 1812 году осознавались как задача высокого общественного значения. Понимая историческую значимость устных воспоминаний, Толычева писала: «...малейшие сведения о том времени для нас тем дороже, что через несколько лет не останется, вероятно, ни одного свидетеля самой драматической и самой славной страницы нашей истории»².

По данным А.Г. Тартаковского, в 1850–1880-е гг. было опубликовано около ста мемуаров, посвященных Отечественной войне³. Однако записи Новосильцевой оказались уникальными, так как писательница зафиксировала редкие в мемуаристке рассказы «выходцев из простонародья». Она посещала монастыри и церкви, общалась с отставными солдатами и их женами, купцами и церковнослужителями и записывала рассказы об Отечественной и Крымской войнах. По нашим сведениям, ей удалось зафиксировать более 30 рассказов о событиях 1812 года и 5 рассказов о Крымской войне.

Значение записанных Новосильцевой рассказов об Отечественной войне оценили уже ее современники: французский историк А. Рамбо перевел их на французский язык⁴, как на документальный источник на них неоднократно ссылался в своем историческом исследовании А.Н. Попов⁵. Писательница создала «уникальный <...> свод устных воспоминаний» (А.Г. Тартаковский), которыми пользуются и современные историки⁶.

Впервые записанные Толычевой рассказы очевидцев об Отечественной войне были опубликованы в 1865 г. в журнале «Детское чтение»: здесь помещены воспоминания двух женщин – Устины Левоновны, горничной бабушки писательницы, и не названной по имени «воспитанницы княгини Репниной». Информантами являются знакомые Новосильцевой, но есть основания предполагать, что уже в это время она начала целенаправленный сбор воспоминаний о 1812 году, так как в предисловии к первой публикации сказано: «...если нашим читателям понравятся предлагаемые рассказы, то мы сообщим им впоследствии и несколько других, относящихся к тому же времени»⁷. Однако печатание следующих рассказов было возобновлено после продолжительного перерыва, в 1872 г. С этого времени они стали периодически появляться на страницах журналов и газет, а впоследствии выходили отдельными изданиями. По нашим сведениям, последний рассказ подобного рода был опубликован в 1884 г.⁸

Сделанные Новосильцевой записи рассматриваются историками как достоверный источник сведений. При этом личность собирательницы остается в тени, так как в подобных воспоминаниях автором считается тот, «чей рассказ был записан»⁹. Однако следует заметить, что, как

правило, записанные устные воспоминания – это не монолог, а диалог с интервьюером. Исследователи устной истории отмечают, что попытки интервьюера «...самоустраниться» разрушаются о первое мгновение диалоговой ситуации»¹⁰. Собиратель устных воспоминаний активно реагирует на рассказ информанта, именно он придает документу его окончательную форму в печатном виде, поэтому личность собирателя так или иначе присутствует в подобных текстах¹¹.

В предисловии к «Рассказам очевидцев» Новосильцева отмечает, что она проводила отбор материалов и записывала рассказы «со всею возможною добросовестностью»¹². Проведенное нами исследование сделанных ею записей показывает, что она не просто фиксировала воспоминания, но и подвергала их литературной обработке. Каждый отдельный рассказ представляет собой произведение с достаточно четко выстроенной сюжетной линией. Можно предположить, что Толычева имела путеводитель, которым руководствовалась в беседе, причем ее интересовало субъективное, личностное восприятие событий информантами.

Специфику этих рассказов сама собирательница определяет в предисловии к первой публикации: «Многие историки описывали уже события 1812 года, и многие еще будут их описывать: конечно, все исторические факты <...> в высшей степени интересны, но для дополнения этой великой эпохи любопытно взглянуть на *частный быт* того времени...»¹³ (курсив мой. – Н.О.). И в последующих записях об Отечественной и Крымской войнах основной оказывается бытовая сторона событий. Все воспоминания, по словам Толычевой, «...носят более или менее один и тот же характер <...> как в это время жили среди развалин пылающего города и в его окрестностях, как жили в монастырях и церквях, где искали убежища...»¹⁴. Так, например, купчиха Анна Григорьевна Круглова вспоминала: «Много мы натерпелись в это время: ни плагья, ни переменного белья нет. Обносились мы до лохмотьев, на иных даже все истлело. А чулок мы себе в это время навязали из талек, что лежали в подвале»¹⁵.

Возможно, интерес писательницы к приватной жизни «невыдающихся» людей был обусловлен возникшей в мемуаристике с 1830-х гг. установкой на приоритет частных подробностей жизни человека. По словам А.Г. Тартаковского, в русской прессе неоднократно звучали обращения к мемуаристам уделять внимание «мелким подробностям», относящимся к домашнему и семейному быту простых людей, такими же призывами была проникнута и литература о мемуаристике второй половине XIX в.¹⁶

Собранные Новосильцевой воспоминания – это рассказы о частных судьбах людей, истории о перенесенных страданиях и лишениях. Писательница создает «невоенную» историю войны, причем эмоциональная сторона событий искупает

почти полное отсутствие статистических данных. Собирательница внимательна к чувствам, которые испытывали люди в военную эпоху. Так, она фиксирует воспоминания священника Федора Ивановича Левицкого о тех переживаниях, которые пришлось испытать его многочисленной семье, оставшейся без крова после пожара 1812 года: «...больнее всех было, кажется, моему семейству. <...> Так и оборвалось во мне сердце, как увидели мы обгорелые столбы наших домов да груды горячих углей. Я плакал, и около меня плакали все мои...»¹⁷. Записи, сделанные Новосильцевой, воссоздают психическое состояние разных групп населения и атмосферу событий военного времени.

Писательницу интересовала не только бытовая сторона жизни в военную эпоху, но и особенности межличностных отношений. По ее словам, в период Отечественной войны несчастье объединяло людей, поэтому они «...собирались кучками на улице и оплакивали общее горе, как дети одной семьи»¹⁸. Записи особенно остро выявляют отношение простого народа к «господам», которые, понимая грозившую им опасность, заранее уезжали из города. Об этом рассказывал, например, мещанин Петр Кондратьев: «...народ роптал, что господа выезжают, а его выдают без защиты неприятелю»¹⁹. Особенно негативно характеризуют информанты московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, который своими «афишками» – ежедневными печатными объявлениями – успокаивал жителей, уверял, что Москва не будет сдана. Материалы, собранные писательницей, говорят о том, что представители низовой среды верили этим «посланиям» и не покидали города. В действительности же, говоря современным языком, об эвакуации населения никто не помышлял. Об этом свидетельствуют воспоминания А.П. Ермолова, который приводит циничное высказывание Ф.В. Ростопчина о том, что, овладев Москвой, «неприятель не приобретет ничего полезного. Принадлежащие казне сокровища и все имущество вывезены <...> Спасены важнейшие государственные архивы <...> В Москве остается до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта»²⁰.

Анализ рассказов о 1812 годе и Крымской войне показывает, что одним из интересовавших Новосильцеву вопросов было отношение информантов к французам. В определенном смысле отношение это в обоих случаях было почти одинаковым. Очевидцы оценивают французов прежде всего как людей, вынужденных заниматься противоестественным для них делом. Записанные воспоминания опровергают утвердившееся в современной историографии мнение о том, что «разорение крестьян проходившей армией завоевателя, бесчисленными мародерами <...> было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днем»²¹. Рассказы, собранные писательницей, свидетельствуют, что это не вполне соот-

ветствует истине. Приведем слова послушницы из купеческого звания Александры Алексеевны Назаровой (речь идет о солдатах наполеоновской армии): «... жаль их сердечных, не умирать же им голодною смертью, а шли ведь они на нас не по своей воле»²². Подобные высказывания достаточно типичны. Записанные Новосильцевой рассказы позволяют определить характерные черты, которыми русские наделяют французов: доброта, милосердие, веселый нрав. Очевидец событий Отечественной войны купец Андрей Алексеев вспоминал о французах как о «веселых <...> ребятах»²³. Столкнувшись с французами в период Крымской войны монахи Георгиевского монастыря вспоминали: «Уж такие добрые были ребята <...> что не нахвалишься ими»²⁴. Были, конечно, и другие высказывания, которые содержали сугубо отрицательную оценку французов: некоторые свидетели характеризуют их как «злодеев», которые убивают и грабят людей. Так, например, священник Федор Иванович Левицкий отзывался о неприятелях: «Придут, и что плохо лежит все их, а кто попробует свое добро отстаивать, того саблей съездят»²⁵. Однако тот же рассказчик весьма доброжелательно говорил об одном пленном французе, подчеркивая его «доброту». Чаще всего информанты различают «настоящих», «истинных» французов – солдат французской армии – и «ненастоящих» – их союзников. Об «истинных» французах респонденты Новосильцевой сохранили в основном положительные воспоминания, о «ненастоящих» – негативные: «... настоящие-то французы очень добры. Где стащат, а где и своим поделятся. А их пришельцев в народе пуще собак ненавидели: в них жалости нет. Не даром их прозвали *беспардонное войско*»²⁶ (курсив Толычевой).

Следует подчеркнуть, что в рассказах, записанных Новосильцевой, люди, вспоминая о 1812 году, называли факторы, не связанные с собственно военными просчетами, – холод, голод, изнурение. В советской историографии не придавали этому значения, и только в последнее время исследователи, говоря о военных итогах кампании, показывают преобладающую роль небоевых факторов в гибели наполеоновской армии в России²⁷.

Собранные воспоминания писательница использовала в своих исторических сочинениях, адресованных детям и читателям из народной среды²⁸. По словам М.Н. Каткова, ее исторические сочинения «читались во всех слоях общества, и в гостиных и в избах, и в госпиталях во время войны»²⁹. Об их популярности говорит тот факт, что они выдержали множество переизданий, но наибольшим успехом пользовались «Рассказы старушки об осаде Севастополя» и «Рассказы старушки о двенадцатом годе» (последняя книга была переиздана 12 раз). Рецензент газеты «Московские ведомости» отмечал, что трудно найти для детей и народа более занимательное и поучительное произведение, чем «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» Т. Толычевой³⁰.

Исторические записи Толычевой актуализируют вопрос о специфике женского взгляда на события и явления³¹. Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что особенность женского взгляда на историю проявляется в обращенности к приватной жизни «невыдающихся» людей, к жизни в ее повседневном течении и к эмоциональной стороне событий.

Примечания

- 1 См.: Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 266–304; Толычева Т. Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–55 годов // Русский вестник. 1880. № 9. С. 181–205; Она же. Смоленск и его предания о двенадцатом годе // Русский вестник. 1880. № 11. С. 199–229; Толычева Т. Живая столетняя хроника // Московские ведомости. 1882. № 37. 6 февр. С. 3; Толычева Т. Князь Иван Калита – солнечный луч. М.: Тип. т-ва А. Левенсон и К°, 1888. 162 с.; Она же. Крест патриарха Филарета. М., 1885. 76 с. и др.
- 2 Толыцова Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 3.
- 3 См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 139.
- 4 Rambaud A.N. La Grand Armee a Moscou. Recits de temoins oculaires russes. Dapres l'ouvrage par T. Tolytchef // Revue des deux Mondes. 1873. 1. Juillet.
- 5 См. об этом: Гучков С.М. Новосильцева Екатерина Владимировна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев: В 6 т. М., 1999. Т. 4. С. 356.
- 6 См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика; Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем // [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/AgroNov/index.html>.
- 7 Толыцова Т. Рассказы о двенадцатом годе // Детское чтение. 1865. Т. 1. С. 4.
- 8 Толычева Т. Рассказ о двенадцатом годе Глафиры Климовны Рожновой, живущей в Покровской богадельне // Московские ведомости. 1884. № 37. 6 февраля. С. 2–3.
- 9 Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 58.
- 10 Хубова Д.Н. Устная история и источниковедение: «в поисках утраченного времени» // Мир источниковедения: Сб. трудов в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 29.
- 11 Об этом: Лоскутова М.В. Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 19.
- 12 Толыцова Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд., М., 1912. С. 3.
- 13 Толыцова Т. Рассказы о двенадцатом годе. С. 3.
- 14 Толыцова Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 3.
- 15 Там же. С. 65–66.
- 16 Тартаковский А.Г. Мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 324–325.

- 17 Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 302.
- 18 Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 41.
- 19 Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 275.
- 20 Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 201–202.
- 21 Тарле Е.В. 1812 год. М., 1961. С. 602.
- 22 Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 87.
- 23 Там же. С. 27.
- 24 Толычева Т. Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–55 годов. С. 203.
- 25 Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 302.
- 26 Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 13.
- 27 Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 19.
- 28 Толычева Т. Приемный. Повесть из того времени, как французы брали Москву. 4-е изд. М., 1899. 40 с.; Толычева Т. Рассказы старушки о двенадцатом годе. 9-е изд. М., 1905. 72 с.; Толычева Т. Рассказы старушки об осаде Севастополя. 2-е изд. М., 1887. 84 с.
- 29 [Б.п.]. Екатерина Владимировна Новосильцева / М.Н. Катков // Московские ведомости. 1885. № 251. С. 3.
- 30 Г.Ф. Издание общества распространения полезных книг // Московские ведомости. 1873. № 327. 29 дек. С. 3.
- 31 Многие исследователи убедительно доказывают, что женщины имеют свой взгляд на происходящие события (см. об этом: Пушкарева Н.Л. От His-story к Her-story: рождение исторической феминологии // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2001. № 1. С. 31).

УДК 921.161.1.09+929[Булгаков+Мережковский]

ИСТОРИЯ КАК ТЕКСТ («Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова)

Т.И. Дронова

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: tida52@mail.ru

В статье предпринята попытка включения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в контекст традиции Д.С. Мережковского. Выявляются общие мотивы в романе «Юлиан Отступник», открывающем трилогию «Христос и Антихрист», и «закатном романе» М. Булгакова; рассматривается проблема отношения писателей к истории как к тексту, определяются принципы сопоставительного анализа романов Мережковского и Булгакова.

Ключевые слова: Мережковский, Булгаков, роман, мотив, текст в тексте, история, мистерия, смысл истории, идеологическое кодирование.

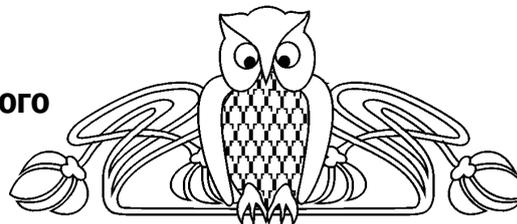
History as Text: «Christ and Anti-Christ» by D.S. Merezhkovskii and «Master and Margarita» by M.A. Bulgakov

T.I. Dronova

The article attempts to include M.A. Bulgakov's novel «Master and Margarita» into the context of D. Merezhkovskii's tradition. It traces the motives common to the opening novel of Merezhkovskii's trilogy «Julian Apostate» and Bulgakov's last novel, looks into the concept of history as text, common to both authors, and defines the principles of comparative analysis between the novels by Merezhkovskii and Bulgakov.

Key words: Merezhkovskii, Bulgakov, novel, motive, text-in-the-text, history, mystery, meaning of history, ideological coding.

Как это ни удивительно, в современном булгаковедении, с его постоянно расширяющимися контекстами, имя Д.С. Мережковского – создателя трилогий «Христос и Антихрист» (1895–1904)

и «Царство Зверя» (1908–1918) – встречается крайне редко. В 1990-е гг. немногочисленные случаи сопоставления романа «Мастер и Маргарита» (1928–1940) с произведениями старшего современника имели локальный характер: как правило, отмечалось сходство в сценах шабаша в «Леонардо да Винчи» Д.С. Мережковского и «закатном романе» М.А. Булгакова¹. Несмотря на сформировавшееся именно в это десятилетие представление о постсимволистской природе художественного мышления автора «Белой гвардии» (1923–1924, 1929) и «Мастера и Маргариты», проявившееся в интересе исследователей к мифопоэтической образности, анализу лейтмотивной структуры, интертекстуальности², опыт Мережковского-романиста, стоявшего у истоков символистской прозы, продолжал оставаться невостребованным³.

На этом фоне особенно неожиданно прозвучало утверждение И. Бродского о том, что евангельский сюжет у М. Булгакова «в сильной степени парафраз Мережковского и вообще литературы того времени <...> хороший коллаж»⁴. Из текста интервью неясно, какие произведения Д. Мережковского имел в виду И. Бродский, – трилогии «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», в которых земная история включается в контекст библейского метасюжета («от Первого Пришествия ко Второму»), а мифологемы Христа и Антихриста, кодирующие художественный текст, имеют отнюдь не каноническое наполнение, или написанный в эмиграции роман-эссе «Иисус Неизвестный» (1932), представляющий авторский вариант осмысления «жизни Иисуса» в истории и